

ЕВА РЕЙН

Для тебя,
мамочка,
ВХОД С КУХНИ

Ева Рейн

Для тебя, мамочка, вход с кухни!

«Литнет»

2026

Рейн Е.

Для тебя, мамочка, вход с кухни! / Е. Рейн — «Литнет», 2026

— Мама, для тебя вход с кухни. И при гостях не называй меня сыном, — Дмитрий преградил мне дорогу в кафе, ради которого я пять лет работала бесплатно. Я молча прошла на кухню. Оттуда слушала, как невестка принимает благодарности за мои рецепты, а сын рассказывает об их семейном успехе. После праздника они положили передо мной бумаги: осталось только подарить им помещение. Сын уже пообещал его инвестору — вот только моего ответа ещё не слышал.

© Рейн Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1.

— Мам, для тебя вход с кухни, — сказал Дмитрий, придерживая стеклянную дверь и не давая ей открыться шире. Валентина Крылова уже занесла ногу на верхнюю ступеньку, поэтому остановилась неловко, чуть качнувшись, и ухватилась за холодную ручку. Ей показалось, что сын собирается что-то вынести: за его спиной двигались люди, звенело стекло, девушка в чёрном фартуке торопливо протирала край стойки. Но Дмитрий ничего не держал. Он посмотрел поверх её плеча на улицу, затем снова на неё, и Валентина, ещё улыбаясь, отступила на полшага.

— Там разве не закончили? Я думала, уже можно, — спросила она и поправила воротник расстёгнутого пальто. Из дома она вышла слишком быстро, боялась опоздать, а у самого кафе всё-таки задержалась: хотелось рассмотреть новые буквы над входом и высокие вазы по обе стороны двери. Вместо привычной вывески «Пекарня» теперь золотилось короткое название «Линия». Валентина не очень понимала, какое отношение оно имеет к пирогам, зато хорошо представляла, сколько раз Дима за последние недели менял рисунок этих букв и спорил с Алиной о свете над ними. Сегодня всё наконец было готово, и ей хотелось сказать ему, как хорошо получилось.

— Закончили. Просто обойди, пожалуйста, — ответил он и опустил взгляд на её платье. — Ты же понимаешь, какая сегодня публика. Мы просили всех одеться сдержанно, у нас фотограф, партнёры... Мам, ну зачем ты это надела? Валентина посмотрела вниз, словно по дороге могла испачкаться и не заметить. Крупные светлые цветы лежали на синей ткани, отутюженный подол чуть шевелился от ветра. Утром ей нравилось, что платье не обтягивает уставшее тело и лицо в нём выглядит свежее; теперь она машинально свела полы пальто.

— Ты мне ничего про одежду не говорил, — напомнила она, стараясь поймать его взгляд. — Я вчера спрашивала, к которому часу приходить. Ты сказал: к четырём, и чтобы всё было готово. До четырёх оставалось семь минут, она видела часы на стене за его плечом. Дима потёр большим пальцем переносицу, и этот знакомый жест неожиданно её успокоил: он с утра на ногах, у него последние приготовления, она просто выбрала неудачный момент. Валентина даже протянула руку поправить угол его пиджака, но он повернулся к залу, проверяя, не зовут ли его.

— Я думал, это и так понятно, — проговорил он тише. — У тебя хорошее платье для дачи, для семейного обеда. Но здесь оно, извини, деревенское. Пройди пока на кухню, ладно? Он сказал это без злости, почти просительно, и Валентина не сразу нашлась с ответом. Платье она купила осенью, впервые за долгое время выбрав вещь без мысли о том, удобно ли в ней будет наклоняться к духовке или нести пакеты. Надевала всего два раза и берегла к сегодняшнему открытию. Сын уже отвёл глаза, а она всё ещё стояла перед ним, держа пальто за края.

— И ещё, мам, — добавил Дмитрий, снова посмотрев на улицу. — При партнёрах лучше называй меня Дмитрием. Без «сынок», без всех этих семейных разговоров. Мне важно, чтобы меня воспринимали серьёзно. Валентина медленно отпустила край пальто. За стеклом кто-то засмеялся, к стойке подошла женщина примерно её возраста в ярком зелёном жакете, и Дима приветственно кивнул ей. Валентина дождалась, пока он снова повернётся, и спросила, что несерьёзного в том, что она его мать. Он выдохнул, будто она попросила объяснить очевидное, и ответил, что сегодня рабочее мероприятие, а дома они могут говорить как угодно.

За его плечом Валентина заметила Ирину, журналистку, приезжавшую снимать кафе незадолго до открытия. Тогда они успели только поздороваться возле кухонной двери: Валентина несла поднос, Ирина уступила дорогу и улыбнулась, сказав, как вкусно пахнет хлебом. Сейчас рядом с ней стоял высокий мужчина с седыми висками, которого Валентина прежде видела на фотографии в телефоне сына. Дима рассказывал о нём с той особенной сдержанной

гордостью, с какой в детстве показывал школьную грамоту: серьёзный человек, умеет оценить дело, можно будет подумать о втором кафе. Валентина обрадовалась возможности прекратить неприятный разговор и кивнула в сторону мужчины.

— Это твой партнёр? Давай познакомимся, пока всё не началось, — предложила она, чуть расправляя плечи. — Ты говорил, он знает, что помещение моё. Может, ему нужно меня о чём-нибудь спросить. Дмитрий сразу шагнул ближе и прикрыл дверь спиной, оставив узкую щель. Он заверил её, что всё уже объяснил и человек полностью в курсе, а сейчас они собираются обсуждать совсем другое. Произнёс это быстро, не давая ей задать следующий вопрос, и поправил часы на запястье.

— И про кухню сегодня не надо, — продолжил он. — Как ты тут ночами помогаешь, устаёшь... Люди подумают, что у нас работа не налажена. Мы потом спокойно поговорим, хорошо? Валентина хотела сказать, что вообще не собиралась жаловаться чужому человеку на усталость, но мужчина с седыми висками уже направился к дверям. Дмитрий тотчас обернулся, улыбнулся ему и что-то показал в глубине зала. Они пошли рядом, разговаривая, а дверь, которую сын наконец отпустил, медленно закрылась перед Валентиной. Она несколько секунд смотрела на его спину, потом застегнула пальто и спустилась со ступеньки.

Начало апреля выдалось холодным: во дворе ещё лежал рыхлый серый снег, хотя на солнечной стороне улицы асфальт успел просохнуть. Валентина осторожно обходила воду, придерживая подол: каблуки проваливались в размокшую грязь возле стены. Сюда она ходила почти ежедневно, знала, где выступает разбитая плитка и как потянуть тугую служебную дверь, чтобы та не ударила по руке. Сегодня, возвращаясь домой переодеться, она не сомневалась, что второй раз войдёт с улицы, вместе со всеми. В сумке лежала помада, которую она нанесла перед зеркалом в прихожей, и чистый платок; рабочие туфли остались под скамейкой возле кухни, потому что после праздника она собиралась взять их домой и вымыть.

— Валюш, ну наконец-то! Посмотри у нас начинку, что-то я не пойму, — встретила её Тамара, выглянув из-за двери. На щеке у неё белела полоска муки, седая прядь выбилась из-под колпака. Потом она разглядела подругу целиком, отступила, давая войти, и улыбнулась уже иначе. — Какая ты сегодня нарядная. Очень тебе этот синий идёт, прямо лицо другое. Валентина сняла пальто и повесила его на свободный крючок, стараясь, чтобы рукав не задел ведро у стены. За Тамариной спиной шипела вода в мойке, кто-то искал чистые щипцы, и всё это было настолько привычным, что отвечать оказалось легче.

Она сказала, что дома даже полчаса полежала, хотя на самом деле уснула сидя, с полотенцем на мокрых волосах, и проснулась от звонка будильника. Вчера Дмитрий попросил прибавить к праздничному заказу ещё сорок маленьких корзиночек: гостей оказалось больше, чем рассчитывали. Валентина осталась после вечерней смены, потом отправила Тамару домой, потому что той предстояло выйти с утра, и закончила ближе к рассвету. На правом предплечье тянуло свежий ожог. Она успела закрыть его рукавом платья и теперь, развязывая шарф, невольно прижала ткань к больному месту.

— Ты бы села сначала, — сказала Тамара, заметив, как она поморщилась, и потянулась убрать со скамейки пакет с салфетками. — Я тебя с порога припахала, даже сообразить не успела. У нас последние шесть корзинок остались, наполняем перед самой подачей, чтобы не размокли. Валентина спросила, что именно не так с начинкой, и сама прошла к столу. Рядом с миской стоял молодой кондитер, которого Дмитрий взял после Нового года. Остальная выпечка у него получалась аккуратной, и сейчас он смотрел на расплывающийся крем с таким досадливым недоумением, что Валентине стало жаль его больше, чем себя.

Она вымыла руки, надела висевший на крючке запасной фартук и попробовала начинку чистой ложкой. Сметана из новой поставки оказалась жиже обычной, а парень положил привычное количество, не проверив, что получится. Валентина добавила немного оставленной про запас густой основы, попросила принести из холодильника заготовленные ягоды и подви-

нула к себе пустые корзиночки. Пальцы сами нашли удобный край ложки. Несколько минут она работала молча, забыв даже о том, что пришла в платье, пока Тамара не подала ей чистое полотенце и не подхватила край её широкого рукава, едва не задевшего начинку.

Через распахнутую дверь в коридор был виден край нового зала. Там, где когда-то стоял материн прилавок с коричневой клеёнкой на нижней полке, теперь светилась витрина, а возле окна поместился длинный стол с белыми чашками. Пять лет назад Дима сам таскал оттуда старые стулья, спорил с мастерами, возвращался поздно вечером после доставки заказов. Валентина помнила, как они втроём с Тамарой ели на кухне вчерашние пирожки, а он, сидя на перевернутом ящике, показывал первые хорошие отзывы в телефоне. Она тогда радовалась не только тому, что пекарня выстояла. Ей нравилось, что взрослый сын советуется с ней, что у них есть общее дело и он по-прежнему зовёт её попробовать то, что считает удачным.

— Давай посвободнее завяжу, — предложила Тамара, поправляя узел у неё на спине. — А то платье помнётся. Тебе ведь в зал идти. Валентина кивнула и продолжила раскладывать ягоды. Ей не хотелось рассказывать про разговор у входа посреди рабочей сутолоки, тем более сейчас, когда его ещё можно было объяснить Диминой нервозностью. Она решила дожидаться, пока вынесут последние подносы, снять фартук и сама найти сына. Перед гостями говорить не станет, отведёт в сторону и спросит, как ей понимать его слова.

Музыка в зале стихла, и кто-то попросил внимания. Официантка придержала дверь плечом, пропуская коллегу с подносом, а потом оставила её открытой, чтобы не задевать посудой ручку. По залу разнёсся усиленный микрофоном голос Алины — чуть выше обычного, с хорошо знакомой улыбкой в конце фразы. Невестка благодарила гостей за то, что пришли разделить важный для их семьи вечер. Тамара мельком посмотрела в коридор, а Валентина вытерла край корзиночки, на который попала начинка, и придвинула к себе следующую.

— Когда мы решили заново продумать меню, мне хотелось сохранить что-то очень личное, — говорила Алина. — Не просто предложить ещё одно красивое кафе. У Диминой бабушки Антонины были замечательные рецепты, и я начала с её старых записей. Из коридора донёсся короткий щелчок, потом ещё один: фотограф снимал выступление. Валентина подняла голову. Несколько месяцев назад она действительно давала Алине сфотографировать страницы материнских тетрадей и две фотографии самой Антонины; невестка обещала красиво оформить историю пекарни и сказала, что людям будет интересно узнать, откуда появились знакомые вкусы.

Алина рассказывала о сокращениях на пожелтевших страницах, о пометках «до мягкости» и «чтобы ложка стояла», о долгих пробах, пока наконец не получились те самые корзиночки с вишней. Валентина узнала почти каждую подробность. За большим кухонным столом у неё дома они пили чай, и она показывала невестке, как мать записывала расход продуктов, как пропускала то, что считала само собой разумеющимся, почему любимый пирог пришлось несколько раз переделать для новой печи. Алина внимательно слушала, задавала вопросы и попросила прислать названия сообщением, чтобы ничего не перепутать. Валентина ещё обрадовалась, что той стало интересно.

— Сложнее всего дался творожный пирог с чёрной смородиной, — продолжала невестка, и в её голосе появилось лёгкое веселье. — Дима может подтвердить, сколько вариантов ему пришлось попробовать. Но я всё-таки добилась того вкуса, который мы хотели вернуть, и теперь он станет одной из основ нашего меню. В зале засмеялись, затем захлопали. Валентина держала ягоду над корзинкой, пока капля сока не попала ей на палец. Она положила вишню на крем, потянулась за полотенцем и услышала, как Дмитрий взял слово.

— Да, дегустатором я поработал, — сказал он, и Валентина представила его улыбку раньше, чем увидела самого. Тамара чуть сдвинулась, открыв ей полоску зала: сын стоял возле Алины и обнимал её за талию. — Но главное, что всё получилось. Спасибо моей жене за терпение, за это меню и за то, что она поверила в семейную историю, когда я уже думал оставить от

прошлого только стены. Валентина дождалась, пока стихнут аплодисменты. Дмитрий поблагодарил людей, занимавшихся ремонтом, назвал девушку, которая помогала с оформлением, затем попросил всех пробовать угощение. Про Валентину он не сказал ничего.

— Валя, дай мне, — негромко попросила Тамара и взяла у неё полотенце. — Ты уже третий раз одно место трёшь. Сотрёшь кожу, у тебя и так руки красные. Валентина разжала пальцы и посмотрела на тёмное пятнышко возле ногтя. Она не слышала, как подошла официантка за подносом, и теперь отодвинулась, освобождая ей место у стола. Хотелось спросить Тамару, не ослышалась ли она, но подруга стояла рядом слишком тихо и старательно смотрела на корзиночки. Значит, спрашивать было незачем.

— Тамар, ты узнай, пожалуйста, куда мне потом сесть, — сказала Валентина, расправляя фартук на животе. — Пока я здесь закончу, сходи к девочке, которая гостей встречает. Может, у них какой-то список. Тамара сразу согласилась, словно давно ждала поручения, с которым могла бы выйти из кухни. Валентина осталась перед последними двумя корзинками и наполнила их особенно внимательно, не допуская неровного края. Молодой кондитер спросил, надо ли теперь убирать миску в холодильник. Она ответила ему обычным голосом и заметила, как он с облегчением занялся уборкой стола.

Тамара вернулась не сразу. Валентина успела отдать поднос, сполоснуть ложку и снять фартук, осторожно вытягивая рукава, чтобы на них не остались складки. Подруга вошла боком, пропуская официантку, остановилась у мойки и без всякой необходимости поправила стопку чистых тарелок. Валентина не стала помогать ей начинать разговор. Она смотрела на Тамарины руки и ждала, хотя ответ уже угадывался по этой непривычной возне возле посуды.

— Я спросила у администратора, потом ещё у Алины уточнила, — заговорила Тамара. — Там списки на каждый столик, карточки разложены. Твоей фамилии нет. Алина сказала, что думала, ты будешь здесь, на подаче. Подруга подняла глаза и торопливо добавила, что стул принести можно, места хватит, она сама сейчас устроит у окна. Валентина посмотрела в коридор, где официанты расходились с пустыми и полными подносами. Ей представилось, как Тамара пронесёт между гостями лишний стул, как придётся подвинуть чью-то сумку и объяснять, почему мать хозяина до сих пор стояла на кухне.

— Не надо сейчас ничего переставлять, — попросила она и убрала фартук на крючок. — Я с Димой поговорю, когда он освободится. Спасибо, что сходила. Тамара хотела возразить, но Валентина уже отошла к скамейке, на которой лежала её сумка. Она села, поставив ноги рядом, и впервые за день почувствовала, как больно гудят ступни в непривычных туфлях. Рабочая пара стояла совсем близко, под скамейкой. Валентина посмотрела на неё, но переобуваться не стала.

— Валентина, а вы яблочный разрежете? У меня всё время край крошится, — обратился к ней кондитер, придвигая к себе большой пирог. Она уже наклонилась вперёд, чтобы встать, и задержалась, упершись ладонями в скамейку. Нож лежал возле его правой руки, пирог остыл достаточно, нужно было просто не торопиться. Валентина попросила его взять тот, что подлиннее, и резать самому. Парень кивнул, развернул блюдо удобнее и через минуту позвал официантку за первыми порциями. Ничего больше от неё не потребовалось, и она откинулась к стене, прислушиваясь к разговору за дверью.

Дмитрий заглянул на кухню, когда у стойки собралась новая очередь за угощением. Он быстро спросил, хватит ли выпечки, посмотрел на пустые подносы и только потом заметил мать на скамейке. Валентина поднялась ему навстречу, но сын уже вынимал из кармана зазвонивший телефон. Прикрыв его ладонью, он попросил её не уходить: после гостей нужно кое-что обсудить. Она ответила, что сама хочет с ним поговорить. Дима кивнул, по привычке коснулся её плеча и вышел, произнося в трубку весёлое «Да, конечно, мы на месте», а Валентина осталась стоять возле двери с приготовленными словами, которых он даже не стал ждать.

Тамара поставила перед ней чай в обычной толстостенной чашке и тарелку с куском яблочного пирога. Валентина сначала хотела отказаться, затем вспомнила, что последний раз ела рано утром, и взяла вилку. Пирог был ровно такой, какой требовался: мягкие яблоки держали форму, корочка не успела отсыреть. Она отломилась ещё кусочек и отодвинулась, чтобы пропустить девушку с коробкой чистых стаканов. На кухне становилось спокойнее. Люди убрали то, что больше не понадобится, переговаривались о завтрашней смене и иногда поглядывали на неё, но никто ни о чём не спрашивал.

Позже в коридоре снова прозвучал голос Ирины. Она благодарила Дмитрия за приглашение и договаривалась прислать ссылку, когда материал выйдет, а он просил обязательно отметить новое название. Валентина видела только край журналистского пальто и ремешок сумки, но почему-то именно этот короткий разговор заставил её придвинуть свою чашку подальше от края. О том, что произошло в зале, узнают и те, кто сюда не пришёл. Алина будет рассказывать про восстановленные рецепты на записи, Дима стоять рядом, и всякий, кто посмотрит, решит, что так всё и было. Валентина провела пальцем по ободку чашки и встала, чтобы отнести её к мойке.

К половине восьмого гостей почти не осталось. Тамара переоделась, спросила, подождать ли Валентину, но та сказала, что не знает, сколько ещё просидит, и велела идти домой. Подруга постояла рядом, потеряла застёжку сумки, затем обняла её — коротко, крепко, прижав ладонь между лопаток. Валентина не отвернулась и не начала уверять, что всё хорошо. Она только попросила Тамару застегнуться: в коридоре тянуло холодом, а на улице к вечеру подмораживало. Когда за подругой закрылась дверь, она сняла с крючка пальто, переложила через руку и пошла в зал.

Приглушённая музыка ещё играла, хотя официантки уже собирали со столов бокалы. Дмитрий провожал мужчину с седыми висками; Алина стояла рядом, придерживая волосы у щеки. Валентина остановилась возле витрины, не желая начинать разговор при постороннем, и разглядела карточки с названиями выпечки. Под творожным пирогом было напечатано «Семейный рецепт». Утром, когда она принесла первый противень, карточек ещё не было. Она вспомнила, как мать сыпала смородину из дуршлага, выбирая попавшие в ягоды тонкие стебельки, и поправила пальто на сгибе локтя, удержавшись от желания передвинуть карточку на середину полки.

— Мам, садись сюда, мы сейчас, — позвал Дмитрий, вернувшись от входа. Он указал на стол возле стены, на котором осталась карточка с чужим именем, и направился за стойку. Валентина положила пальто на соседний стул и села, поставив сумку на колени. Отсюда хорошо было видно входную дверь и вазы, которыми она любовалась днём. Стёкла отражали зал, и за ними уже ничего нельзя было рассмотреть, кроме света над ступеньками. Алина подошла первой, сняла со стола именную карточку, перевернула её и положила рядом с пустой вазочкой.

— Устали? День сегодня тяжёлый, — сказала невестка, осторожно опускаясь на стул. — Я с утра на этих каблуках, ног не чувствую. Хотите, кофе попрошу сделать? Валентина отказалась и посмотрела на неё внимательнее, чем обычно. Алина была красива даже сейчас, когда улыбка уже не держалась на лице сама собой: гладко убранные волосы, маленькие серьги, светлый жакет, на который за весь вечер не попало ни пятна. Валентина помнила, как невестка ездила выбирать обивку, как добивалась, чтобы фотографии блюд выглядели аппетитно, и никогда не считала её бездельницей. Поэтому услышанное со сцены было ещё труднее понять: Алине ведь было за что принимать благодарности и без чужих рецептов.

— Почему ты сказала, что сама восстановила мамины записи? — спросила Валентина. — Ты же у меня дома сидела, я тебе всё рассказывала. И пирог этот при тебе переделывала, ты ещё просила кусочек Полине завернуть. Алина опустила глаза на перевернутую карточку и подвинула её к вазочке, освобождая место перед собой. Она ответила не сразу, а когда заговорила, в голосе появилась осторожная терпеливость, с какой объясняют человеку ошибку,

которую ему лучше не повторять. По её словам, речь шла обо всём меню, о том, как подать семейную историю гостям, а Валентина слышала только отдельные слова.

— Я слышала, что ты пробовала, переделывала и добила нужного вкуса, — продолжила Валентина, не повышая голоса. — Ты именно так сказала. Я стояла у двери и слушала. Алина выпрямилась, посмотрела в сторону стойки, откуда шёл Дмитрий с тёмной папкой, и тронула застёжку браслета. Валентина вдруг вспомнила, как вечером невестка присылала ей голосовые сообщения с просьбами добавить одно, поменять другое, успеть к утру. Тогда её устраивало, что Валентина всё понимала с первого раза. Сейчас приходилось доказывать, что она способна понять несколько простых фраз.

— Что случилось? — спросил Дмитрий, садясь рядом с женой. Он положил папку на стол и посмотрел сначала на Алину, потом на мать. — Мам, мы можем пять минут спокойно посидеть? Только гостей проводили. Валентина ответила, что как раз ждала, когда гости уйдут, и повторила вопрос. Сын откинулся на спинку стула, глянул на жену и провёл ладонью по лицу. Он выглядел усталым, и Валентина привычно отметила тёмные круги под его глазами, прежде чем заставила себя закончить: она хотела знать, почему он тоже благодарил за её работу Алину.

— Потому что она занималась всем этим, — ответил Дмитрий и обвёл рукой зал. — Оформлением, фотографиями, приглашениями, меню. Мам, никто не спорит, ты очень помогла. Но это же наш общий успех, зачем сейчас разбираться, кто какую ложку держал? Он говорил уже громче, и Алина бросила взгляд на официантку, проходившую с бокалами. Валентина дождалась, пока девушка уйдёт за стойку. Ей не хотелось, чтобы та слышала продолжение, хотя несколькими часами раньше сыну совсем не мешало, что про восстановленные рецепты слушал полный зал.

— За оформление и надо было благодарить, — сказала Валентина, поворачивая сумку на коленях застёжкой к себе. — Я бы вместе со всеми похлопала. Только мне даже сесть было негде. Ты знал, что для меня места нет? Дмитрий нахмурился и посмотрел на Алину, но не с вопросом, а словно предлагая ей объяснить очевидную мелочь. Невестка развела руками: Валентина всегда помогала с подачей на больших заказах, вот и сегодня они рассчитывали на неё; никто не думал, что она захочет сидеть с приглашёнными. Можно было сказать заранее, принесли бы стул. Валентина поправила ручку сумки, которая перекрутилась под пальцами, и напомнила, что заранее спрашивала, во сколько ей приходиться на открытие.

— Мам, не начинай, пожалуйста, — перебил Дмитрий. — Я правда не понимаю, из-за чего мы сейчас ссоримся. Всё прошло хорошо, люди довольны, о нас будут писать. Ты можешь просто порадоваться за меня? Он чуть подался вперёд, и на мгновение Валентина увидела в его лице прежнего Диму, которому очень нужно было её одобрение. От этого стало тяжелее: ей и сейчас хотелось обнять его, сказать, что он справился, поправить наконец этот загнутый угол пиджака. Но сын не ждал ответа. Он раскрыл папку и развернул к ней несколько скреплённых листов.

— Вот, посмотри, это как раз о будущем, — сказал он, разглаживая верхнюю страницу. — Мы подготовили всё по помещению. Надо, чтобы оно теперь было оформлено на меня, тогда можно двигаться дальше. Валентина увидела в заголовке слово «дарение», затем прочла свою фамилию, имя и отчество. Ниже было напечатано полное имя сына. Она подняла взгляд на Дмитрия, но тот уже достал ручку и проверил её на свободном уголке лежавшей рядом карточки. Получилась короткая синяя черта.

— Ты хочешь, чтобы я подарила тебе пекарню? — уточнила Валентина, оставляя руки на сумке. — Мы об этом не договаривались. Когда ты успел всё подготовить? Дмитрий положил ручку возле бумаг и ответил, что занялся этим заранее, потому что сейчас удачный момент и тянуть незачем. Он говорил о помещении тем же деловитым голосом, каким обычно перечислял, что нужно заказать к выходным. Валентина посмотрела на Алину. Та сидела спокойно,

только сняла под столом одну туфлю и придвинулась удобнее, словно эта часть вечера наконец пошла по плану.

— Партнёру нужна уверенность, мам, — объяснил Дмитрий. — Человек собирается обсуждать с нами серьёзную работу. Он не хочет, чтобы всё зависело от того, как мы с тобой в очередной раз договоримся. Я сказал, что скоро стану собственником, вопрос внутри семьи решён. Валентина переспросила, действительно ли он сказал это до разговора с ней. Сын кивнул без заметного смущения и добавил, что не собирался тревожить её бумагами посреди подготовки к открытию. — Я же всё приготовил, — повторил он. — Тебе только подписать.

Валентина повернула голову к окну. На стекле отражалась Алина, за её плечом — новая витрина, а чуть дальше темнел дверной проём кухни, где ещё горел свет. Днём, у входа, она сама предложила познакомиться с этим человеком. Хотела пожать ему руку, услышать, что они собираются делать, может быть, рассказать, сколько лет здесь работала её мать. Теперь стало понятно, почему Дима так быстро увёл его в зал. Валентина снова посмотрела на лежавшие перед ней листы и спросила, что ещё сын успел обещать от её имени.

— Ничего такого, что тебе повредит, — ответил он, уже не скрывая раздражения. — Мы пять лет это поднимаем. Я вложил сюда столько сил, столько денег, ты сама видишь. Неужели ты думала, что я буду всю жизнь спрашивать разрешения у мамы? Валентина слышала про деньги и силы не впервые, но прежде это было частью обычных разговоров: сын жаловался на расходы, советовался, радовался удачным неделям. Сейчас он смотрел на неё через стол, ожидая, что сказанного достаточно. Она спросила, с каких пор работа вместе означает, что один может решать за другого, и Дмитрий недовольно постучал пальцами по краю папки.

— Валентина, вы ведь тоже не молодеете, — вмешалась Алина, чуть наклоняясь к ней. — Вам уже тяжело, вы сами говорили, что спина болит. Сейчас самое время понемногу отходить от дел, дать нам заниматься кафе спокойно. Валентина повернулась к невестке и напонила, что спина у неё болела после того, как они с Тамарой всю ночь готовили большой заказ, который Алина приняла накануне. Та поджала губы и сказала, что речь вообще о возрасте и будущем, а не об одном конкретном вечере. Валентина заметила, как Дмитрий согласно кивнул, не дожидаясь, пока жена договорит.

— Мне пятьдесят шесть, — произнесла она. — Ещё вчера вы оба звонили и спрашивали, успею ли я всё закончить. Тогда вас мой возраст не тревожил. Сын потянулся к стакану с водой, выпил и поставил его чуть резче, чем хотел. Несколько капель попало на стол, и Алина сразу промокнула их салфеткой, не глядя на свекровь. Валентина сидела ровно, хотя спине действительно хотелось опоры. Она хорошо знала эту боль и обычно терпела её молча; сейчас ей было неприятно, что о ней вспомнили именно тогда, когда понадобилось объяснить, почему она должна перестать распоряжаться своим помещением.

— Так никто и не заставляет тебя надрываться, — сказал Дмитрий. — Мы для того всё и меняем, чтобы нормально работать. Помогать можешь, если хочется, только не надо держать всё на себе. Пусть уже современные люди занимаются развитием, а ты отдыхай, с Полиной гуляй. Он произнёс имя дочери мягче и даже улыбнулся, словно предложил матери то, о чём она давно мечтала. Валентина очень любила гулять с внучкой и никогда не считала такие дни потерянными для работы. Но сын говорил о них сейчас так, будто уже распределил её время и ему оставалось только получить согласие.

Алина собрала крайние листы, подровняла их и снова положила перед Валентиной. Она сказала, что все устали и серьёзный разговор лучше продолжить завтра, а сегодня осталось уладить формальность. Валентина смотрела, как невестка расправляет загнутый уголок бумаги. Ещё недавно она так же старательно раскладывала карточки на столах, следила, чтобы каждому гостю досталось место и никто не оказался лишним. Для Валентины приготовили эти листы, заполненные без её участия, и оставили время после ухода остальных.

— Подпиши, мам, — попросил Дмитрий, придвигая ручку к её правой руке. — Я обещал, что мы сегодня всё решим. Завтра останется только заняться оформлением. Валентина посмотрела на него, затем раскрыла сумку и достала очки в потёртом футляре. Сын облегчённо выдохнул и потянулся перевернуть страницу туда, где требовалась подпись. Она придержала верхний лист ладонью, надела очки и начала читать с первой строки.

Глава 2

Бумага под ладонью была гладкой, плотной, и Валентина зачем-то провела пальцем по её краю, прежде чем перевернуть страницу. Теперь, в очках, она хорошо различала мелкие строки, хотя читать приходилось медленно: сын сидел напротив, следил за её руками и несколько раз порывался показать нужное место. Всё, что он говорил о будущем кафе, сводилось здесь к простому действию. Она должна была подарить ему помещение, а он — принять подарок. Ни о её работе, ни о том, что будет с ней самой, в этих листах ничего не говорилось, да Дмитрий, кажется, и не ждал, что она станет искать такие подробности.

— Я этого подписывать не буду, — сказала Валентина, закончив читать, и сняла очки. Дужка зацепилась за волосы возле виска, пришлось осторожно освободить её, чтобы не дёрнуть прядь. Дмитрий смотрел на мать, ещё немного наклонившись над столом, и Валентина видела, как меняется его лицо: сначала он будто не расслышал, затем медленно выпрямился. Алина перестала поправлять браслет. Несколько секунд за их столом было тихо, зато из кухни отчётливо донёсся грохот упавшего противня и чей-то усталый смех.

— В смысле не будешь? — спросил Дмитрий и придвинул к себе край папки. — Ты чего испугалась? Там ничего особенного, я же тебе объяснил. Валентина ответила, что прочитала и поняла достаточно, чтобы принять решение. Она не собиралась дарить ему пекарню ни сегодня, ни под обещания, которые он уже дал другому человеку. Сын потёр лоб, посмотрел на жену и снова на мать, словно всё ещё рассчитывал найти более понятное объяснение её словам.

— Дима, мы с тобой договаривались совсем о другом, — продолжила она, удерживая очки обеими руками. — Я разрешила тебе работать здесь бесплатно. Пекарня оставалась моей, ты оплачивал её содержание, покупал то, что считал нужным. Мы ведь не на словах это решили. Каждый год летом садились и подтверждали ещё на год. Она помнила, как прошлым июлем он приехал к ней домой с Полиной: девочка раскрашивала за столом лошадку, пока отец читал короткий лист, а потом они все пили чай. Никакой ссоры тогда не было. Дмитрий сам положил свой экземпляр в сумку и ещё попросил мать напомнить ему о дате следующим летом.

— До первого августа у нас всё согласовано, — сказала Валентина, положив очки в футляр. — Работай, как мы условились. О том, что будет потом, поговорим отдельно. А подарить тебе помещение я не обещала. Дмитрий отодвинул стакан, мешавший его локтю, и спросил, зачем тогда он пять лет вкладывался в чужие стены. Слово «чужие» прозвучало особенно резко, и Валентина посмотрела на его руку, лежавшую на папке. Ещё несколько минут назад он объяснял, что внутри семьи всё решено, а теперь помещение оказалось чужим, как только выяснилось, что она не согласна его отдать.

— Я знаю, сколько ты сделал, — ответила она, стараясь говорить так, чтобы он услышал не только отказ. — И клиентов привёл, и доставку устроил, и деньги сюда вложил. Всё, что ты покупал, твоё. Я ни на твою печь, ни на витрину, ни на мебель не претендую. Но перед этим ремонтом мы разговаривали, помнишь? Она напомнила, как предлагала обновить стены, заменить изношенные стулья и не закрываться надолго. Дмитрий тогда разложил перед ней фотографии красивых залов и сказал, что устал от вечных полумер. Ему хотелось сделать всё сразу, и на вопрос матери, не слишком ли дорого выйдет, он ответил, что расходы берёт на себя.

— Потому что я рассчитывал здесь работать, — перебил он. — Неужели надо было отдельно спрашивать, не передумает ли собственная мать? Ты же сама сказала: делай. Валентина кивнула, признавая эти слова, и тут же пояснила, на что именно согласилась. Ему можно было переделывать зал, выбирать название, ставить новое оборудование; она не обещала за это перестать быть хозяйкой помещения. Сын слушал, глядя куда-то мимо неё, и от этого ей приходилось сдерживать знакомое желание объяснить ещё проще, мягче, найти такое слово, после

которого он наконец перестанет сердиться. Она замолчала, когда поняла, что снова собирается повторить уже сказанное.

— Мы ведь ничего у вас не забираем, — вмешалась Алина, слегка наклоняясь над столом. — Всё остаётся в семье. Вы сможете приходить, печь, заниматься тем, что любите. Просто Диме будет спокойнее. Валентина посмотрела на неё, потом на дверной проём кухни, где молодой кондитер протирал стол. Ещё час назад она сидела там и ждала, когда сын освободится, потому что в зале для неё не предусмотрели места. Сейчас невестка обещала, что ей разрешат приходить сюда и дальше, и произносила это как веский довод в пользу подарка.

— Завтра я на смену не выйду, — сказала Валентина, повернувшись к сыну. — И потом тоже не буду работать бесплатно. Я сегодня закончила то, за что взялась, но дальше вам придётся без меня. Дмитрий даже приподнялся на стуле и спросил, кто, по её мнению, будет готовить утреннюю выпечку. Она напонила, что у него есть сотрудники, что Тамара знает обычный ассортимент и что ни хлеб, ни яблочные пироги не требуют её непременно присутствия. Сын перечислил ещё несколько изделий, и Валентина узнала в этом списке именно то, ради чего задерживалась после чужих смен.

— А с этим надо было раньше учить людей, — ответила она. — Я просила тебя выделить время. Ты говорил, сейчас некогда, потом, после праздников, после ремонта. Вот и получилось, что проще каждый раз позвать меня. Дмитрий раскрыл рот, собираясь возразить, но Алина тронула его рукав и тихо попросила не спорить. Валентина хорошо знала это движение: так невестка останавливала мужа, когда рядом был не тот человек, при котором стоило продолжать разговор. Теперь этим человеком оказалась она, и ей стало трудно оставаться за столом.

— Мам, тебе же на жизнь хватает, — проговорил Дмитрий, чуть понизив голос. — Ты квартиру сдаёшь, за жильё никому не платишь. Мы тебе что, ещё и зарплату должны были выдавать? Ты сама всегда говорила, что помогаешь. Валентина посмотрела на него прямо, не успев скрыть удивления. О квартире он знал всё: кто живёт, когда переводят деньги, почему осенью пришлось менять старую плиту. Но она никогда не думала, что сын мысленно вычитал эту небольшую плату из стоимости её работы, и сейчас впервые услышала, как легко у него одно объясняет другое.

— Я говорила, что помогу наладить дело, — ответила она после паузы. — И помогала, Дима. Пять лет. Квартира здесь при чём? Сын раздражённо пожал плечами: он не считал её деньги, просто напомнил, что она не голодает, а им нужно содержать семью и развивать кафе. Валентина медленно убрала футляр в сумку. Ей очень хотелось спросить, в какой именно день её помощь стала чем-то таким, за что уже не полагалось даже благодарности, но она знала, что он начнёт объяснять про общий успех. Слушать это ещё раз она не могла.

Она встала и взяла пальто со спинки соседнего стула. Дмитрий тоже поднялся, торопливо подхватил бумаги и протянул ей, велел хотя бы прочитать дома, спокойно, после отдыха. Валентина сказала, что прочитала и решение не изменится от того, в какой комнате она будет сидеть, но сын всё равно держал листы перед ней. Она забрала их, чтобы закончить этот разговор, сложила пополам и убрала в сумку. Алина заметила, что на ночь не стоит решать серьёзные вопросы, и попросила свекровь не принимать близко к сердцу несколько слов, сказанных в суете. Валентина уже застегнула верхнюю пуговицу и не стала отвечать.

— Ты утром отоспись и приезжай, — сказал Дмитрий, провожая её взглядом. — Не к семи, попозже. Там разберёмся. Валентина остановилась возле стола, чтобы он не мог потом сказать, будто не услышал, и повторила, что завтра её не будет. Сын опустил глаза на телефон, лежавший рядом с пустой папкой. Она подождала ещё несколько секунд, но он ничего не ответил, и тогда пошла к стеклянной двери. Ручка легко поддавалась, холодный воздух коснулся лица, и Валентина осторожно спустилась по освещённым ступенькам на тротуар.

Домой она приехала на такси, хотя обычно вечером добиралась автобусом. На остановке было пусто и ветрено, долго стоять в туфлях она уже не могла, а возвращаться на кухню за

рабочей парой не захотела. В машине пахло мятной жвачкой и влажными ковриками. Водитель спросил, не дует ли от окна, и Валентина ответила, что всё хорошо, после чего отвернулась к стеклу. В сумке упирался в бок сгиб бумаг. Она поправила её на коленях и всю дорогу смотрела на магазины, мимо которых столько раз проезжала, не замечая, что в некоторых уже сменились вывески.

В прихожей лампочка загорелась не сразу, мигнула дважды, и Валентина по привычке подумала, что надо попросить Диму посмотреть. Затем вспомнила лежащую в ящике запасную лампу и оставила пальто на вешалке. Квартира встретила обычными звуками: гудел холодильник, в ванной негромко капала вода из плохо закрытого крана, за стеной сосед включил телевизор. На кухне стояла утренняя чашка с засохшим следом помады. Валентина взяла её, сполоснула и поставила на сушилку, задержавшись у раковины, потому что впервые за день не знала, куда нужно торопиться дальше.

Она достала из нижнего ящика папку с домашними бумагами и положила на стол рядом с теми, что привезла от сына. Внутри лежал их прошлогодний лист, квитанции, несколько старых фотографий, попавших сюда после разбора материнских вещей. Антонина умерла семь лет назад, оставив ей пекарню и небольшую квартиру, в которой Валентина так и не стала жить. Первое время она приходила туда проветривать, протирать пыль, поливать единственный уцелевший цветок. Потом решила сдать жильё, вывезла самое дорогое для себя и отдала ключи аккуратной женщине, которая до сих пор переводила плату точно в срок.

Этих денег хватало на обычную жизнь, если не делать больших покупок. Валентина платила за свою квартиру, покупала продукты, лекарства, что-нибудь Полине, понемногу откладывала на случай ремонта в сдаваемом жильё. Она оставалась здесь, в комнатах, где прожила с мужем большую часть замужества, и не собиралась оправдываться за то, что ей не приходится платить за каждый прожитый месяц чужому хозяину. На краю стола лежал телефон. Она открыла счёт со сбережениями, которые собирала ещё тогда, когда сама вела пекарню, и долго смотрела на остаток, хотя знала его примерно и без проверки.

Сумма была не такой, чтобы можно было купить другое помещение, заказать новое оборудование и начать всё без оглядки. Но и пустым этот счёт не был. Валентина взяла лист из блокнота, записала несколько привычных расходов, затем остановилась, дойдя до той части, где нужно было решить, что именно она собирается делать. Сегодня она не могла составить себе новую жизнь по пунктам. Ей хотелось понять, может ли она начать что-нибудь своё, не трогая деньги, на которые привыкла жить, и не тратя разом всё накопленное. На осторожное начало небольшого дела деньги оставались; как это начало устроить, она пока не знала.

В спальне Валентина включила настольную лампу, положила бумаги на тумбочку и села на низкий стул возле кровати. Туфли удалось снять не сразу: ноги отекли, ремешок застёжки выскальзывал из пальцев. Платье натянулось на коленях, когда она наклонилась, и один большой светлый цветок оказался прямо перед глазами. Утром Валентина проверяла в зеркале, ровно ли лежит ворот, потом искала серьги, которые не надевала несколько месяцев. Сейчас застёжка на спине казалась слишком сложной, требующей усилия, на которое её уже не хватало. Она выпрямилась и осталась сидеть, поставив босые ступни на прохладный пол.

За дверью, в гостиной, стояло кресло с потёртым подлокотником. Восемь лет назад Дмитрий уснул в нём, так и не сняв джинсы и свитер, с телефоном в руке. Это было вскоре после похорон мужа: днём у Валентины ещё находились дела, люди приходили, звонили, спрашивали о чём-то необходимом, а к вечеру квартира делалась такой тихой, что она боялась выключать свет в коридоре. Сын приезжал после работы, приносил еду, которую она почти не ела, сидел рядом перед работающим телевизором. В тот раз она велела ему ехать домой, но он ответил, что посидит ещё немного, и через полчаса уснул, уронив голову на плечо.

Она тогда принесла плед и пыталась накрыть его осторожно, чтобы не разбудить. Дима всё равно открыл глаза, схватил её за запястье и спросил, не нужно ли чего-нибудь, а когда

она сказала, что всё в порядке, разжал пальцы не сразу. Ему было двадцать четыре, он сам только потерял отца и всё-таки старался сделать так, чтобы мать не оставалась одна. Валентина помнила тяжесть его сонной руки и тёплую шерсть свитера под ладонью. Невозможно было решить, что того вечера не существовало, что она всё придумала себе из желания видеть сына хорошим. Этот же человек сегодня попросил её не называть его сыном при посторонних.

Валентина поднялась лишь тогда, когда замёрзли ноги. Добралась до молнии, медленно сняла платье и повесила на плечики, не расправляя подол так старательно, как делала утром. На предплечье краснел ожог; она достала из ванной привычное средство, осторожно нанесла его и переоделась в ночную рубашку. Плакать не получалось. Она легла, оставив лампу гореть, и некоторое время слушала, как сосед за стеной переключает каналы. Потом потянулась к телефону, проверила, заведён ли будильник на половину шестого, и выключила его, прежде чем успела снова начать сомневаться.

Проснувшись она всё равно рано, от света между шторами. Было субботнее утро, на кухне за окном кто-то стряхивал коврик с верхнего этажа, и короткие удары заставили её окончательно открыть глаза. Первые несколько секунд Валентина думала только о том, что не успела поставить начинку в холод, а потом увидела на тумбочке сложенные бумаги и вспомнила, почему лежит дома. Вставая, она опиралась на край матраса: спина за ночь не прошла, зато в квартире было тепло и никуда не требовалось бежать немедленно. Она поставила чайник, достала два яйца и уже начала наливать воду в маленькую кастрюлю, когда позвонил Дмитрий.

— Мам, ты где? — спросил он без приветствия, и на заднем плане Валентина услышала кухонные голоса. — У нас начинка для смородинового жидкая. Тамара говорит, в печь такую нельзя, весь пирог поплывёт. Приезжай, пожалуйста, пока мы ещё не открылись. Она перекрыла воду, поставила кастрюлю на плиту и только после этого ответила, что находится дома. Дмитрий сказал, что закажет ей машину, если она не успевает на автобус. Он говорил торопливо, как всегда в таких случаях, и Валентина уже представила, где лежит чистая кофта и сколько времени займёт дорога.

— Дима, я вчера предупредила, что не выйду, — напонила она, прижав телефон плечом, чтобы убавить огонь под кастрюлей. — Ты меня слышал. Я не собираюсь. На другом конце стало тише; видимо, сын отошёл от работающих людей. Потом он попросил её не продолжать вчерашнюю историю сейчас, когда у него открытие через сорок минут и покупатели придут попробовать то, что им показали на празднике. Валентина взяла телефон в руку и прислонилась к краю стола. Ей хотелось спросить, почему он не зовёт Алину, которая накануне так уверенно рассказывала о своих пробах, но она понимала, что после этого разговор окончательно превратится в ссору о невестке.

— Я же не на весь день тебя прошу, — продолжил Дмитрий, не дождавшись привычного согласия. — Только покажи, что сделать, и езжай обратно. Это твой рецепт, кто ещё должен объяснить? Валентина ответила, что рецепт давно записан, продукты и порядок работы она показывала, а вот времени спокойно приготовить всё вместе с другим пекарем ей так и не дали. Нельзя было одновременно учить человека и требовать, чтобы к тому же часу она одна закончила весь заказ. Она напонила две смены, о которых просила ещё зимой. Дмитрий тогда сказал, что лишний человек на кухне обойдётся дорого и лучше отложить обучение до спокойной недели.

— Сейчас мне что делать? — спросил он уже резко. — Просто убрать пирог, который мы вчера всем обещали? Ты этого добиваешься? Валентина услышала, как на кухне начал закипать чайник, и выключила его, не отводя телефон от уха. Она сказала, что обычную выпечку сотрудники приготовят, а с этим пирогом придётся разобраться отдельно. Дмитрий назвал её отказ упрямством, потом помолчал, словно оставляя ей время одуматься. Валентина тоже молчала. Когда он наконец спросил, приедет ли она хоть на час, ответила, что не приедет, и дождалась, пока сын сам закончит звонок.

Яйца варились дольше, чем она собиралась. Валентина сняла кастрюлю, поставила под холодную воду, потом обнаружила, что так и стоит возле раковины с телефоном в свободной руке. До сих пор после такого разговора она обычно уже обувалась. Даже когда сердилась на Диму, даже когда обещала себе в следующий раз отказаться, находилась Тамара, которой придётся тяжело, или заказчик, не виноватый в их семейных недоразумениях. Сейчас кухня сына существовала без её присутствия, и Валентина не знала, что именно там происходит. Она положила телефон на подоконник и села завтракать, заставив себя очистить скорлупу до конца, прежде чем снова посмотреть на экран.

Тамара позвонила ближе к одиннадцати. Прежде всего спросила, как Валентина спала и не разболелась ли спина, а затем без приглашения сообщила, что кафе открылось вовремя. Хлеб, яблочные пироги и печенье получились, часть праздничных изделий пока убрали, новую порцию начинки для смородинового будут пробовать после утренней суеты. Валентина осторожно спросила, сильно ли сердится Дима. Тамара помолчала, и по этой паузе она поняла больше, чем хотела бы, но подруга ответила только, что работы хватает всем и сердиться ему долго некогда.

— Ты за нас не думай, мы здесь управимся, — добавила Тамара, и Валентина услышала, как рядом с ней щёлкнул замок двери. — Я на пять минут вышла, у нас сейчас поспокойнее. Ты лучше поешь как следует. Вчера ведь одним куском пирога обошлась. Валентина сказала, что уже позавтракала, и рассказала про переваренные яйца, неожиданно обрадовавшись возможности обсудить такую мелочь. Тамара коротко засмеялась и призналась, что сама с утра забыла дома бутерброды. Они поговорили ещё немного, не обещая друг другу ничего на будущее, и, когда подруга вернулась на кухню, Валентина впервые с утра перестала ждать нового звонка каждую минуту.

После обеда она решила вымыть пол в прихожей, но, достав ведро, оставила его возле ванной. Спина ныла, наклоняться не хотелось, а необходимости непременно закончить уборку сегодня не было. Валентина смочила тряпку и вытерла только следы от вчерашних туфель, потом присела на кухне возле открытой форточки. Воздух был холодным, с влажным запахом оттаивающего двора. Где-то внизу дети спорили из-за мяча, и она вспомнила, что завтра должна забрать Полину на обычную прогулку. Они собирались дочитать книгу, оставленную на самом интересном месте, а потом сходить выбирать резиновые сапоги: девочка за зиму выросла из старых.

Когда телефон снова зазвонил, Валентина подумала, что невестка хочет уточнить время. Но на экране было имя Сергея Лазарева, и она сразу вспомнила о заказе продуктов на следующую неделю. Он несколько лет возил в кафе то, что они брали у небольших местных производителей, знал, какую сметану она предпочитает для выпечки, и обычно заранее предупреждал, если привычной не будет. Валентина ответила, уже собираясь искать на столе лист для записей. Сергей поздоровался, спросил, удобно ли говорить, и пояснил, что хочет уточнить количество масла: после открытия они собирались прибавить, а окончательного ответа он не получил.

— Вам теперь нужно с Дмитрием это решать, — сказала она, останавливаясь возле ящика с ручками. — Я больше в кафе не работаю. Номер у вас его есть? Сергей подтвердил, что есть, и замолчал на несколько секунд. Валентина успела подумать, что придётся объяснять всё заново, только теперь почти постороннему человеку, с которым её до сих пор связывали накладные, коробки и короткие разговоры у кухонной двери. Но он не спросил, что случилось с сыном. Только уточнил, не заболела ли она, и в его голосе было столько обычной обеспокоенности, что Валентина неожиданно для себя ответила честнее, чем собиралась.

— Нет, не заболела. Устала очень, — сказала она и села, хотя ещё минуту назад намеревалась разговаривать стоя. — Решила пока дома побыть. Не знаю, надолго ли. Сергей тихо отозвался, что понял, и попросил не беспокоиться о заказе: он сам дозвонится Дмитрию. Вален-

тина ждала, что на этом разговор закончится. Она даже поблагодарила и потянулась убрать телефон от уха, когда он снова назвал её по имени, немного медленнее, чем прежде.

— Валентина, а вы не захотите на неделе кофе выпить? — спросил он. — Я буду в вашем районе, можно где-нибудь сесть. Если вам сейчас компания нужна. Она посмотрела на свою чашку, в которой давно остыл чай, и почему-то первым делом подумала, что у неё дома нечего подать к столу. Потом поняла, что Сергей не напрашивается в гости и не просит приготовить угощение. Он предлагает выйти из дома вместе с ним, и в его вопросе пока не было ничего, на что требовалось отвечать немедленно.

— Это насчёт работы? — уточнила Валентина и сама услышала, как осторожно прозвучал её голос. — Если вам нужно, чтобы я что-то посоветовала для другого клиента... Сергей негромко прервал её, сказав, что с клиентами справится, а кофе предложил просто так. Она вспомнила, как прошлой зимой он задержался у входа, рассказывая о каком-то смешном происшествии в дороге, а она слушала вполуха, потому что Тамара звала проверить печь. Сергей тогда сразу заметил её нетерпение, улыбнулся и попрощался. Сейчас он тоже словно оставлял ей возможность закончить разговор без неловкости.

— Вы можете подумать, — добавил он. — Я вас не тороплю. Захотите — позвоните, договоримся, когда удобно. Валентина сказала, что позвонит, хотя пока не могла представить себя сидящей в кафе рядом с ним. Она знала, что Сергей давно овдовел, что у него взрослая дочь; однажды он показывал на телефоне фотографию внука в огромной вязаной шапке. Ему было пятьдесят девять, всего на три года больше, чем ей, но прежде она почти не задумывалась о его возрасте. Просто знала голос, аккуратные руки, привычку дослушивать вопрос, не заглядывая в это время в телефон. Теперь эти подробности вспоминались сами, пока он желал ей отдохнуть и попрощался.

После звонка Валентина некоторое время сидела неподвижно, держа телефон на коленях. За форточкой всё ещё кричали дети, один из них сердито звал кого-то вернуться, и этот далёкий голос вдруг стало трудно выносить. Она встала закрыть окно, но не успела дойти: слёзы уже мешали видеть, пришлось ухватиться за спинку стула. Сначала Валентина только часто моргала, сердясь на себя за эту запоздалую слабость. Потом прижала ладонь ко рту и заплакала так, как не смогла ни за кухонной дверью, ни в машине, ни ночью возле кровати.

Она добралась до раковины, намочила платок и долго держала его у лица. Сергей ничего не знал о синем платье, об Алине с микрофоном, о листах, которые Дима принёс ей после праздника. Ему не понадобилось всё это выслушивать, чтобы предложить ей немного времени рядом, без просьбы сначала что-нибудь сделать. Валентина опустила мокрый платок, подождала, пока дыхание станет ровнее, и набрала себе стакан воды. Пить пришлось маленькими глотками. Потом она вернулась к столу и ещё некоторое время сидела, глядя на солнечный прямоугольник, который медленно смещался по полу.

К вечеру удалось даже поспать. Валентина легла поверх покрывала, собираясь закрыть глаза всего на несколько минут, и проснулась от того, что в комнате стало прохладно и сумрачно. Телефон лежал рядом, новых звонков от сына не было. Она не знала, хорошо это или плохо, и не стала сама писать, как прошёл день: после ответа пришлось бы снова обсуждать пироги и её отсутствие. Вместо этого достала из шкафа сумку, с которой обычно ходила гулять с Полиной, положила внутрь пачку бумажных платков и маленькую бутылку воды. На полке нашлась заколка, забытая внучкой в прошлый раз, — розовый пластиковый кот с одним обломанным усом.

Галина позвонила, когда Валентина разогревала суп. Двоюродная сестра начала с расспросов об открытии, но слушала ответы рассеянно, быстро переводя разговор на завтрашний день. Она собиралась устроить семейный обед, звала всех к часу и несколько раз повторила, что давно пора посидеть вместе, без спешки. Валентина ответила, что обещала Полине прогулку, поэтому сначала должна поговорить с Алиной. Галина сразу заверила её, что молодые

тоже будут, девочку приведут и беспокоиться не о чем. По этой готовности Валентина поняла, что звонок ей сделали после остальных.

— Это Дима предложил собраться? — спросила она, выключая плиту. — Ты с ним сегодня разговаривала? Сестра признала, что разговаривала, и тут же сказала, что по телефону они ничего обсуждать не станут. Лучше прийти, нормально поесть, успокоиться; в семье всякое бывает, нельзя из-за одного вечера переставать слышать друг друга. Валентина спросила, что именно рассказал ей Дмитрий. Галина ответила уклончиво, посоветовала не накручивать себя заранее и добавила, что сын очень расстроен, хотя так старался устроить праздник. Валентина слушала, держа ладонь на тёплой крышке кастрюли, и постепенно переставала чувствовать голод.

— Я приду, Галя, — сказала она, не обещая ничего другого. — Только давай ты сначала и меня выслушаешь. Сестра торопливо согласилась, назвала время ещё раз и принялась перечислять, что собирается приготовить, словно самое трудное уже удалось уладить. Пока она говорила, телефон коротко завибрировал возле Валентининого уха. На экране появилось сообщение от Алины, и Валентина увидела имя внучки в первой строке. Она попрощалась с Галиной, отнесла тарелку на стол и открыла переписку, ещё рассчитывая, что речь идёт о времени завтрашней встречи.

Алина писала, что прогулку придётся отменить. Сейчас Валентина слишком взволнована, между взрослыми возникло напряжение, и они с Димой считают правильным оградить Полину от лишних переживаний. Невестка просила понять их как родителей и не обижаться; в конце добавила, что сообщит, когда можно будет вернуться к привычным встречам. Валентина прочитала всё дважды, затем подняла глаза на сумку возле двери. Бутылка воды чуть оттопыривала боковой карман, розовая заколка лежала рядом на полке, потому что она ещё не успела её убрать. Полина не знала, что их прогулку можно отменить по такой причине, и Валентина тоже не знала до этой минуты.

Она набрала ответ, спрашивая, почему ей нельзя погулять с внучкой, если завтра они всё равно встретятся у Галины. Добавила, что не собирается обсуждать с семилетней девочкой ни кафе, ни вчерашний разговор. Алина прочла быстро, но ответ пришёл через несколько минут: на обеде Полина будет вместе с родителями, это совсем другое. Валентина сидела перед остывающим супом и держала телефон обеими руками. Можно было позвонить сыну, объяснить, что она никогда не жаловалась ребёнку на взрослых, напомнить, как часто они сами просили забрать девочку, когда не успевали. Но утром Дима уже слышал её объяснения и всё равно спрашивал только, когда она приедет.

Валентина написала, что придёт к Галине к часу и просит не увозить Полину раньше. Потом положила телефон на стол экраном вниз и придвинула к себе тарелку, хотя суп уже почти остыл. Она всё ещё надеялась, что завтра Дима увидит её, даст договорить и поймёт хотя бы то, чего не захотел понять сегодня. Закончив есть, Валентина убрала воду из прогулочной сумки, а заколку бережно положила в ту, с которой собиралась на семейный обед: внучка в прошлый раз очень огорчилась, что потеряла своего розового кота.

Глава 3

Галина открыла дверь прежде, чем Валентина успела убрать руку от звонка. В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.